

Подмосковные усадьбы в Отечественной войне 1812 года

В Путеводителе А. Б. Чижкова «Подмосковные усадьбы се годня», изданном в 2002 г., значится 582 усадьбыⁱ. Это много и мало? В начале XIX столетия их было, по крайней мере, в три раза больше. Известно, что к концу XVIII столетия только в районе Большого Звенигородья располагалось 173 усадьбы (сей час их чуть более 50). Многим из этих усадеб пришлось столкнуться с событиями Отечественной войны 1812 года. Некоторые из них были разорены неприятелем (только на территории Можайского уезда было разрушено 22 усадьбы, 13 из которых сгорели полностью), некоторые служили для постоя войск, другие лишь косвенно затронула страшная война. На территории Подмосковья сохранились усадьбы, которыми владели герои 1812 года, часто бывавшие здесь. Некоторые усадебные кладбища для героев Отечественной войны стали последним пристанищем.

Эти «опаленные войной» усадьбы лежали на пути русской и французской армий к западу от Москвы, в Можайском, Звенигородском, Рузском, Подольском уездах.

О наиболее значимых событиях, которые произошли в 1812 г. на территории усадеб мы сегодня вспомним.

Одной из первых на пути армий на Подмосковной земле стала усадьба Петелино, которой владел действительный статский советник Макаровский. В сельце располагался усадебный дом и парк. По свидетельству Артура Шуерманаⁱⁱ, именно сюда вечером 12 сентября приезжает Наполеон. В наше время об усадьбе Петелино (Преображенное тож) напоминают лишь остатки усадебного парка.

Интересна история усадьбы Вяземы, куда поздно вечером 29 августа вступила русская армия. Сам М.И. Кутузов остановился во дворце князей Голицыных, где был до 31 августа 1812 г. Отсюда Кутузов отправил один за другим четыре письма генерал-губернатору Москвы графу Ф.В. Ростопчину, в которых просил об оказании помощи: «Мы приближаемся к генеральному сражению у Москвы. Но мысль, что не буду иметь способов к отправлению раненых на подводах, устрашает меня. Бога ради прошу помощи скорейшей от вашего сиятельства»ⁱⁱⁱ. В другом письме Кутузов сообщал: «Я нахожусь сего дня при Вяземе, но так как здесь позиции никакой нет, то отправился генерал Беннигсен назад приискать место, где бы удобнее еще дать баталию»^{iv}. Здесь же Кутузов издает несколько приказов и предписаний по армиям, где говорилось о порядке отвода в тыл раненых и больных, о запрещении покидать солдатам строй до конца сражения, об организации народного ополчения и распределении прибывших ополченцев по армиям^v. Будучи в Вяземах, Кутузов получил неприятное сообщение от Александра I о том, что ожидаемые 180 тыс. человек никого рекрутского набора не будут даны в подкрепление основных воинских сил^{vi}. Возможно здесь у Кутузова зародилась мысль оставления Москвы без боя. В тот день, когда М. И. Кутузов находился в Вяземах, Александр I подписал рескрипт о присвоении ему чина генерал-фельдмаршала. Один из офицеров русской армии оставил нам описание усадьбы в эти дни: «Пройдя верст 13, пошли опять; проходили селение Вяземы, принадлежащее князьям Голицыным. Место сия очаровательно: большой каменный дом с такою же церковью, садом, огороженным каменной стеною. Место высокое, планированное, дом стоит на большой запруде, с крутыми берегами и пристанями; много есть на против лома фабрик и прочее...»^{vii} П.С. Пущин в своем дневнике записал: «30 августа. Пятница. Бивуак у Вяземы. Мы выступили только в 1 час ночи с четверга на пятницу. Шли до 11 часов утра 30 числа и остановились в 35 верстах от

Москвы у Вяземы, очень красивой дачи»^{viii}.

Гостевой флигель дворца использовался в качестве перевязочного пункта русской армии. Сюда привезли для перевязки много офицеров русской армии, получивших ранения в Бородинском сражении, предположительно здесь перевязывали и П.И. Багратиона.

31 августа по полудню русская армия оставила Вяземы и дальше продвинулась к Москве. В этот же день Вяземы заняли французы.

Секретарь Наполеона Эдуард Мунье в своем письме жене писал: «Мы провели там в хорошем салоне в хорошей компании вечер около камина, и, если бы кто видел другие вещи, помимо эполет и сабель, он мог бы подумать, что он в парижском салоне»^{ix}. А капитан Б. Кастеллан записал в своем «журнале» 13 сентября: «Я сопровождал императора Мы остановились... в жилище князя Голицына, находящемся на берегу озера... Это поистине не настоящий замок»^x. Предание указывает на нижнюю иностранную библиотеку как место, где провели ночь Кутузов, а потом Наполеон.

Во время пребывания французов в Москве Вяземы продолжали служить важным местом расположения частей неприятеля. Здесь побывали многие офицеры и генералы Великой армии; их дневники и мемуары, а также официальная корреспонденция позволяют нам достаточно подробно восстановить, что происходило в Вяземах и ее окрестностях в сентябре-октябре 1812 г. После взятия Москвы Вяземы оказались на главной коммуникационной линии Великой армии, охранять которую было поручено 8-му Вестфальскому корпусу. Отсюда в Москву выступил 13 сентября отряд полковника Ж. Б. Бернара - целью конвоировать императорскую казну и оставлять отряды на этапных пунктах. Подполковник Ф.В. Лосберг 15 сентября писал: «...мы достигли небольшого города Голицына и рядом с ним, в полк расположились биваком ... Князь Голицын имеет здесь богатое поместье. Его замок, выстроенный в новейшем вкусе, со множеством других построек и значительными парками и садами, свидетельствует о богатстве владельца...»^{xi}

В связи с Вяземами упоминается имя генерала Сен-Сулпица с отрядом гвардейских охотников, на соединение с которыми была отряжена 1 тысяча человек из кавалерийского корпуса Евгения Богарне. Сюда приезжают генералы Орнано и Себастиани. А после выступления Наполеона из Москвы здесь появляются баварцы и испанцы под началом адъютант-команданта Бурмона. На следующий день здесь появляется герцог Тревизский.

Усадьба упоминается и в письмах и официальной корреспонденции ряда французских маршалов и генералов: Л. Данлу-Вердюна, Деннье, М. Прейзинга, Ж.Б. Брусье, Гюйо, Ф.А. Орнано, Бертье, Е. Богарне, Бесьера, Сегюра, А. Коленкура и др.

Владельцы Вязем — братья князя Борис и Дмитрий Владимировичи Голицыны были активными участниками Отечественной войны. Не дожидаясь ответа на прошение о принятии на службу, они прибыли в расположение действующей армии в чине генерал-лейтенантов. Борис Владимирович (1769-1813) — поэт, переводчик, генерал-лейтенант, участвовал в сражении под Смоленском, а во время Бородинского сражения находился в свите М.И. Кутузова. В этот роковой день он был контужен и тяжело ранен, скончался от болезни и ран, полученных при Бородине. Был похоронен в левом предделе Бориса и Глеба храма Преображения в Вяземах по его завещанию. В то время ходило предание, что князь завещал похоронить себя стоя, говоря, что он не может лежать, полка враг топчет русскую землю. Прах его по сей день покоится в стенах храма, а надгробный памятник в виде ангела, скорбно склонившего голову над саркофагом вывезен из Вязем в 1937 г. и в настоящее время хранится в фондах Музея архитектуры им. Щусева в г. Москве.

Его младший брат, Дмитрий Владимирович (1771-1844) во время Бородинского сражения командовал всеми кирасирскими дивизиями, солдаты которых проявляли чудеса героизма. Сражался при Красном, Люцене, Лейпциге, Париже. Окончил войну в чине полного генерала от кавалерии. С 1820 г. до своей смерти был Московским военным генерал-губернатором. При нем Москва была

восстановлена после пожара.

Интересно отметить, что несмотря на военное время и пре бывание неприятельской армии в Вяземах, усадьба почти не пострадала. Лишь из церкви были похищены ряд предметов церковной утвари. На этот счет существует несколько версий, но главной из них является все же то обстоятельство, что вла дельцы Вязем князя Голицыны долгое время воспитывалась за границей, были знакомы со многими французскими генера лами и офицерами. Будучи во Франции, они оказались в водо вороте Французской революции, а Дмитрий Владимирович даже принимал участие в штурме Бастилии. Оба Голицыных учились в Страсбургском протестантском университете, одном из цент ров масонского движения в Европе. Несомненно Голицыны были членами масонских лож. Не в этом ли кроется основная причи на сохранности коллекций дворца? Не случайно изразцы печей во дворце украшены символами масонства: ветвью акации и разрезанным яблоком в капустных листьях. Тем не менее, распо ложенная рядом с дворцом усадебная церковь все же пострадала от нашествия, хотя основные ценности храма были вывезены и спрятаны священником Иоанном Куняевым, ряд культовых предметов были осквернены, а сам храм французы превратили в квартиру.

Жители Вязем были активными участниками войны 1812 года. Один из них, Дмитрий Филиппович Кулаков, был награжден знаком отличия Военного ордена за участие в партизанском отряде. В 1912 г. около моста через речку Вяземку на Можайской дороге была сооружена часовня в память 100-летия Оте чественной войны, которая разобрана в 1930-х годах. В память войны 1812 года сейчас в усадьбе Вяземы установлен Памят ный знак.

Расположенная в 10 верстах от Вязем усадьба Перхушково так же вписала несколько строк в историю войны. Здесь произошло памятное событие, связанное с летучим отрядом И.С. Дорохова. В ночь с 21 на 22 сентября отряд И.С. Дорохова прибыл к Ша рапову. На разведку была послана партии в 40 казаков под коман дой сотника Юдина. Он известил генерала, что обнаружил в Перхушкове неприятельский обоз, и, «не дождавшись еще подкреп ления, ударил перед рассветом на деревню, переколот довольное количество, взял в полон двух капитанов, 5 чел. офицеров и 92 чел. нижних чинов и, когда некоторые к защищению своему разбежались по сараям, то он зажег оные и поднял на воздух 36 фур артиллерийских со снарядами».

Об этих событиях тотчас стало известно в Москве. Капитан Каstellан записал в своем дневнике, что император собрался выдвинуть на Можайскую дорогу гвардейскую конницу. «Это движение было вызвано 50-ю казаками, которые в 20 км от Моск вы захватили обоз зарядных ящиков... Эти казаки подожгли с двух концов деревню и взорвали 15 ящиков, захватили 50 конво иров и обозных солдат...»^{xii}

Немыми свидетелями этого события стали усадебный дом Яков левых и церковь Покрова, построенные в XVIII в. По существу ющему преданию, в усадебном доме в Перхушкове останавливал ся Наполеон, хотя документальных сведений об этом нет. Об этом селе Наполеон упоминает в своем письме от 12 сентября 1812 г. к принцу Невшательскому. К счастью, усадебные постройки и церковь в усадьбе не пострадали.

Немым свидетелем Отечественной войны 1812 года является самое старое здание в нынешнем городе Одинцове (бывшем селе и усадьбы графини Елизаветы Васильевны Зубовой) — церковь Во имя Гребневской Божьей матери, построенной в 1802 г. Ря дом с ее усадьбой в деревне Мамонове остановилась русская армия. На следующий день сюда вошли французы. Эту деревню Наполеон использовал в качестве ночлега. Сохранилось распо ряжение Наполеона И. Мюрату о выходе кавалерийского корпу са из Одинцова. Война нанесла Олинову в округе серьезный удар. Если в 1810 г. в селе и усадьбе Одинцове проживало 607 жителей, то к 1814 г. их число сократилось до 416 человек^{xiii}.

Сильно пострадала усадьба Клементьево графа Ефимовского, расположенная между г. Можайск и г. Рузой. 28 августа при про движении на Рузу 4-го Итальянского корпуса Е. Богарне усадьба подверглась полному разорению. Участник и очевидец событий Ц. Ложье писал о помещичьем доме графа Ефимовского:

«Мо ментально без всякой пользы было все перевернуто вверх дном»^{xiv}. По свидетельству бурмистра М. Иванова, в селе было сожжено неприятелем 54 крестьянских двора^{xv}. Возможно, это обстоятельство было связано с тем, что жители Рузского уезда наиболее ожесточенно встречали неприятеля. Все деревни и усадьбы, через которые проходили части, были заброшены жителями, а сами они скрылись в лесах. Ц. Ложье писал: «...кажется, еще нигде мы не видели таких результатов слепой ярости при уничтожении все го. Дома не только пусты, но вся обстановка разломана. Посевы уничтожены: все подвергалось систематической порче»^{xvi}.

К числу усадеб, связанных с событиями 1812 года в Подмос ковье, можно отнести сельскую усадьбу, расположенную в Красной Пахре. Село связано с осуществлением знаменитого марш-маневра М. И. Кутузова. 9 сентября русская армия вышла на Ка лужскую дорогу возле Красной Пахры. После пятидневного пре бывания в селе армия направилась к селу Тарутино на правом берегу реки Пары. В Красной Пахре сохранились остатки усадебного регулярного парка, разбитого на квадраты с диагонально расположенными славными аллеями и копанными прямоуголь ными прудами Жилой дом с флигелем XVIII и искажен поздни ми перестройками и еще в прошлом веке приобрел эклектичес кий наряд. От того времени сохранилась церковь Иоанна Бого слова, построенная в начале XVIII в.

Говоря об усадьбах, связанных с 1812 годом, нельзя не упо мянуть и об усадьбе Архангельское, принадлежавшей князю Н.Е. Юсупову.

Перед приближением неприятельской армии основные цен ности дворца были вывезены или спрятаны. Большинство вещей было отправлено обоими в Астрахань, куда уехал сам владелец усадьбы. Некоторые картины и статуи были увезены в другие подмосковные имения Юсупова. Так, знаменитая скульптурная группа Антонио Кановы «Амур и Психея» была спрятана в име нии Спасское. Часть скульптуры, которая осталась в Архангельс ком, была укрыта под полом Большого дома, а многие скульпту ры зарыты в землю. Остались на своих местах во дворце только картины очень большого размера.

Местные крестьяне узнав, что барин бежал, поделили хлеб из господских амбаров и выместили свою ненависть к князю на бар ском доме. «В Архангельском неприятельская партия стояла дол го, но вышла; по выходе оных, как сказывают, свои крестьяне в Большом доме побили зеркала, пилястры... Но босу благодаре ние пожара не было и все строения целы. Из архангельских крестьян буйствуют много», — сообщал управляющий^{xvii}.

Любопытно отметить, что французами урон усадьбе был нане сен незначительный. По-видимому, масонские связи Н.Б. Юсу пова дали себя знать в этой Подмосковной.

А вот усадьбе Марфино в войну 1812 года не удалось спастись. Главный дом и два флигеля, которые были построены фельдмар шалом П.С. Салтыковым в 1760-х годах частично разрушены французами. Только в 1820-х годах при новом владельце В.Г. Орлове крепостным архитектором Ф. Тугаровым эти здания были восстановлены в их прежнем виде.

Даже по приведенным скупым свидетельствам видно, какой урон нанесла война подмосковным усадьбам. Они разорялись не только неприятелем, но и русскими мародерами. Перед лицом войны они стали беззащитными. Некоторые из них сумели подняться из пепла, но многие остались лишь в памяти давно усоп ших их владельцев.

Любопытна история усадьбы Вороново, в 1812 году принадле жавшей московскому генерал-губернатору графу Федору Василь евичу Ростопчину.

Когда армия Кутузова, оставив Москву, двигалась на Тарути но, Ростопчин приехал в усадьбу. 18 сентября он писал из Воро нова жене: «До свидания, мой дорогой друг, с удовольствием покидаю места, сделавшиеся для меня ненавистными. Комната, где родилась Лиза, может быть сожжена завтра». Ростопчин ре шил сжечь Вороново, чтобы «явить миру истинно римскую» или, как он сам спешил поправиться «русскую доблесть». 19 сентября пожар охватил дворец и конный завод. Генерал Р.Т. Вильсон, английский комиссар при русском правительстве, А.П.

Ермолов, другие генералы и офицеры, сопровождавшие Ростопчина в поисках штаба армии, расположились биваком в Воронове вокруг разожженного костра. Вильсон впоследствии вспоминал: «Дворец в Воронове был великолепный и действительно величественный, с колоссальными фигурами лошадей работы Монте Ковалло при въезде, в галерее во дворце находились воспроизведения наиболее выдающихся статуй и памятников римских и греческих; обстановка отличалась сказочной роскошью»^{xviii}. Далее следовал рассказ о беседе вокруг костра, при которой Ростопчин жаловался на Кутузова, что тот сдал Москву, не известив его о своем решении. Он заявил, что сам подожжет усадьбу, если получил известие о приближении неприятеля. Уговоры окружающих не уничтожить восхитительный дворец не имели результата. С восходом солнца появились крестьяне «и просили позволения остаться в своих домах, пожитки и кости предков, дабы уйти в имения графа внутри России»^{xix}. Получив разрешение покинуть Вороново, они уходили без жалоб.

Ростопчин прибил к церковной двери заявление: «Восемь лет украшал я это село, в котором наслаждался счастьем среди моей семьи. При вашем приближении обыватели, в числе 1720, покидают свои жилища, а я предаю огню дом свой, чтобы он не был осквернен вашим присутствием. Французы! В Москве оставил я вам два моих дома и движимость на полмиллиона рублей, здесь найдете вы только пепел»^{xx}. Граф, слыша вдали перестрелку, вошел в дом и попросил друзей следовать за собой, раздав каждому зажженный факел. Граф поджигал каждую комнату, и через четверть часа дворец был объят пламенем. После поджога конюшен Ф.В. Ростопчин остановился, и, когда последняя конская группа была сброшена и разбилась во дворе, он сказал: «Теперь я спокоен»^{xxi}.

О тех страшных событиях нам напоминают церковь Спаса, голландский домик, регулярный парк и вновь отстроенный дворец в более простых формах, нежели его предшественник.

Усадьба Остафьево П.А. Вяземского «Русский Парнас» как ее называли тогда и сейчас так же была связана с 1812 годом и, к счастью, не пострадала. Владелец усадьбы П.А. Вяземский отбыл в действующую армию, в усадьбе находился Н.М. Карамзин, которую покинул в августе. Остафьево не пострадало от нашествия неприятеля. «Ведомости Московской губернии Подольской округи Перхьянской десятины села Остафьева» за 1813 год свидетельствуют, что церковь «Живоначальной Троицы... с приделом Великомученика и Победоносца Георгия стоит в твердости. Утварь же хотя во время нашествия неприятельского малою частью и похищена, но которая прежде оно была сохранена, остается довольною»^{xxii}. О том, что в усадьбе были французы, подтверждает письмо князя П.А. Вяземского А.И. Тургеневу от 16 октября 1812 г.: «Я вечером узнал по печальным известиям, что французы удаивали деревню Климову, т. е. знакомое тебе Остафьево, своим посещением и что происходила в нем маленькая ошибка. Твое убежище, в котором за несколько недель тому назад родились страницы бессмертной, а может быть и никогда не известной свету «Истории» Николая Михайловича, истории славных наших предков, было свидетелем сражения с французами, покорившими почти в два месяца первые губернии России»^{xxiii}. Однако огорчения князя оказались напрасными. Остафьевский дом не пострадал и рукопись «Истории государства Российского» была спасена. В большей степени спасти дом удалось благодаря мужеству швейцарки девицы Voehr (Вер). «...Жившая у Карамзиных при детях и отправившаяся в Остафьево во время приближения французов к Москве; она храбростью своею и благоразумием защищала от врагов, более месяца беспрестанно набегающих, мою деревню и заслужила от крестьян прозвание храброй мамзели, а от меня — беспредельную благодарность», — писал в одном из писем П.А. Вяземский^{xxiv}.

В огне Отечественной войны 1812 года сильно пострадали: усадьба П.А. Хованского Кожине Рузского уезда, усадьба Шереметевых Покровское, Рузского

уезда, усадьба Аннино (Знаменское, Вельяминово) Рузского уезда, принадлежавшая Белявиным, усадьба Рождествено-Суворово (на территории современного Мытищинского района), принадлежавшая некогда А.В. Суворову, усадьба Надеждино Дмитровского уезда, принадлежавшая С.А. Норову, отцу декабриста В.С. Норова — участника войны 1812 года, автора записок «От Тарутинского сражения до Кульмского боя».

Любопытна судьба усадьбы Воронцово (ныне в черте г. Москвы), принадлежавшая Репниным. Долгое время здесь жила З.А. Волконская. В дни Отечественной войны 1812 года в Воронцове велись работы по постройке управляемого аэростата, который должен был приводиться в движение мускульной силой человека, двигаться против ветра и поднимать большой груз снарядов, так как русское командование решило прибегнуть к обстрелу и бомбардировке вражеских позиций с воздуха. Наполеон был очень обеспокоен этими опытами, и после занятия Москвы послал в усадьбу отряд, которым сжег ее.

Даже краткое перечисление названий усадеб даст представление о том ущербе и той горе, которую принесла война подмосковным усадьбам. В огне погибли не только архитектурные постройки, но и произведения живописи, прикладного искусства, книги. Потребовалось несколько десятков лет, чтобы залечить раны войны, но память о героических и трагических событиях остается жить в этих усадьбах по сей день.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Чижков А.Б. Подмосковные усадьбы сегодня: Путеводитель. М., 2002.

ⁱⁱ См.: Серегин А. Г. Наполеон I на пути от Можайска до Москвы // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы 4-х Голицыньских чтений. Б. Вяземы. 1997. С. 171.

ⁱⁱⁱ Кутузов М.И.: Сб. документов. М., 1954. Т. 4 Ч. 1. С. 184 (№ 224).

^{iv} Там же. С. 185 (№ 226).

^v Там же. С. 181-183. 186 (№ 221, 222, 228).

^{vi} Там же. С. 138-139 (помета к № 170).

^{vii} Там же.

^{viii} Дневник Павла Пущина, 1812-1814. Л. 1987. С. 61

^{ix} Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912. С. 125.

^x Цит. по: Попов А.И. Незванные гости // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Б. Вяземы, 1997. Ч. 2. С. 3.

^{xi} Там же.

^{xii} Цит. по: Попов А.И. Указ. соч. С. 4.

^{xiii} Одинцовская земля. М., 1994. С. 60

^{xiv} Ложье Ц. Указ. соч. С. 125

^{xv} Малышкин С.А. Рузский уезд Московской губернии в эпоху Отечественной войны 1812 года // Отечественная война 1812 года: Исследования. Памятники. Проблемы: Материалы науч. конф. Бородино, 1997. С. 36.

^{xvi} Ложье Ц. Указ. соч. С. 158.

^{xvii} Цит. по: Булавина В., Раппопорт В., Унанянц И. Архангельское: Краткий путеводитель. М., 1971. С. 18.

^{xviii} Ростопчина Л. Семейная хроника. Сер.: Наука, искусство, литература, № 4. С. 40.

^{xix} Вильсон Р.Т. Дневник и письма, 1812-1813. СПб., 1995. С. 65.

^{xx} Русский биографический словарь. Пг., 1918. Т. 17. С. 263.

^{xxi} Ростопчина Л. Указ. соч. С. 42.

^{xxii} Остафьево: Материалы о прежних владельцах. М., 1906. С. 49.

^{xxiii} Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 5.

^{xxiv} Там же.